

ДИНА БРОДСКАЯ

Марийкино детство

RUGRAM

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
Б88

Бродская Д.

Б88 Марийкино детство / Д. Бродская. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM. — 252 с. — (Жизни и судьбы).

ISBN 978-5-521-77657-3

Повесть для детей Дины Бродской «Марийкино детство» — история еврейской девочки, детство которой пришлось на тяжелые революционные годы.

BIC FC
BISAC FIC000000

КУХАРКИНА ДОЧКА

Мать просыпалась в шесть часов. Приподняв с постели тяжёлое тело, она шлёпала босыми ногами через всю комнату и подтягивала кверху чугунный утюг, который заменял на стенных ходиках гирию. Потом, присев на край кровати, она начинала шнуровать высокие прюнелевые ботинки и, когда не сразу попадала в дырочки шнурком, ругалась вполголоса:

— От-то ещё, холера!...

Марийка лежала в постели и смотрела на потолок, где расплылось огромное сырое пятно, похожее на собаку. В кухне было почти темно. Оконце наверху, круглое, как иллюминатор, пропускало мало света. Оно было величиной с большую сковороду, на которой мать жарила котлеты. Когда Марийка взбиралась на стул и становилась на цыпочки, её нос как раз доставал до круглой деревянной рамы окна. Из окна она могла видеть красную кирпичную стену дома напротив и кусок криво подвешенной жестяной вывески сапожника. На вывеске было выведено тусклым золотом одно только слово: «Заказ». Это слово было не простое: оно читалось справа так же, как и слева.

Мать уходила на рынок. Ключ щёлкал в замке кухонной двери, а Марийка, сладко зевая, вытягивалась на самой середине узкой кровати и опять засыпала. Каждые пятнадцать минут она просыпалась и, приподняв край сатиновой занаве-

ски, смотрела на часы. В семь часов, хочешь — не хочешь, надо было вставать. Чтобы совсем проснуться, Марийка таращила глаза и начинала считать синих петухов на занавесках. После четырнадцатого петуха ей больше уже не хотелось спать.

Прибрав постель, Марийка наливала маленьким ковшиком воду в печной бак — поднять ведро ей было ещё не под силу, — потом она принималась за чистку башмаков, выставленных на кухне с вечера, и торопилась прежде всего вычистить коричневые докторские штиблеты.

Скоро возвращалась мать с огромной, туго набитой кошёлкой, из которой торчали зелёные стрелы лука и кудрявые хвосты молодой морковки.

— Ой, и жарко, доченька! — говорила она, высыпая на стол деньги из вспотевшего кулака.

Марийка помогала матери разгружать корзину, а потом принималась чистить картошку. Сидя на корточках у печки и сбрасывая на пол длинные завитки картофельной шелухи, она прислушивалась к тому, как мать записывает расходы в книжку:

— Капуста... Яйца... Буряк... Баранины четыре фунта, квасоля для супа.

В кухне то и дело появлялась горничная Катерина, маленькая чистенькая женщина в передничке с кружевцами. У неё всегда были поджаты губы, как будто её только что обидели. Катерина забирала вычищенную обувь, наливала горячую воду для бритья в блестящий никелированный стаканчик, опрокидывала над мусорным ведром пепельницы, полные окурков и конфетных бумажек. Почти не разжимая тонких, бледных губ, она ещё в дверях выкладывала всегда какую-нибудь новость:

«Наша-то опять свою гребёнку куда-то задевала. Всю спальню перерыли, а не нашли...»

«Наша-то в театр едет, муслиновое платье с воланчиками гладить велела...»

«Наша-то вчера в карты продулась, нынче с левой ноги встала».

Горничная Катерина ненавидела докторшу Елену Матвеевну и за глаза называла её не иначе, как «наша» или «наша-то».

Иногда в кухню заглядывал и сам доктор Григорий Иванович, высокий, смуглый и весь коричневый — от шляпы до гетр. Держа под мышкой коричневый чемоданчик с инструментами и застёгивая коричневую замшевую перчатку, он говорил:

— Поля, изжарьте мне отбивную с молодой картошкой, и пусть девочка принесёт в больницу.

Доктор всегда называл Марийку «девочкой» и за три года так и не спросил ни разу, как её зовут.

— Сегодня мяса на базаре хоть завались, — Докладывала Поля, — а рыбы. Григорий Иванович, совсем мало. Был, правда, один сом — ну свежий, прямо усами шевелит, да вы ведь их не едите... А у одной женщины я нашла щуку за сорок копеек, да уж такую ледащую...

— А ну-ка... — говорил доктор и, сняв коричневую перчатку, вытаскивал из корзины рыбу за хвост.

Сняв коричневую перчатку, доктор вытаскивал из корзины рыбу за хвост.

— Да разве это рыба!... Ерунда, а не рыба. Сорок копеек за такую дохлятину!...

И, старательно моя руки под краном, доктор повторял, покачивая головой:

— Сорок копеек за такую дохлятину... Это нужно умудриться! — и уходил, хлопнув дверью.

— «Дохлятина»!... — ворчала Поля. — На пяточок прогадал, а скандалу на сто рублей. Ничего, барин, заработаешь... Вечером домой вернёшься, так все карманы будут целковыми набиты. У-у, скупидон проклятый!...

— Эти целковые не так-то легко им достаются, — говорила Катерина, разжигая утюг.

Она обожала доктора так же сильно, как ненавидела его жену. Служила она у доктора Мануйлова тринадцать лет и в письмах к нему подписывалась: «Ваша раба Катерина Шишкова».

Катерина любила вспоминать те времена, когда доктор был ещё не женат и она три года заправляла всем домом, как полная хозяйка.

— Ах ты мой боженька, — говорила она, — как хорошо жилось, когда Григорий Иванович были ещё холостяки!...

По её словам выходило, что в те времена и люди были лучше, и жизнь дешевле, и ситец прочнее.

В десять часов утра Марийку звали в детскую к Лоре. Она проходила через приёмную для больных, скользя по наощённому паркету, как по льду» хотя это ей было строго запрещено. В приёмной вдоль стен стояло много стульев, а на столиках лежали журналы, которые никто не читал: ни больные, ни домашние, потому что все боялись заразы.

В детской, белой, солнечной комнате, за широко раскрытыми окнами шелестели ветви акаций. Восьмилетняя девочка с рыжими волосами и с веснушками на щеках и веках сидела в своей кровати и ныла. Это и была Лора. По утрам она всегда бывала недовольна. Ей не хотелось вставать, не хотелось одеваться, не хотелось завтракать. Если светило солнце, ей хотелось дождика, чтобы можно было прыгать по лужам под маминым красным зонтиком, а если был дождик, она плакала оттого, что в дождик не пускают на улицу без калош.

— Вот оно, твоё сокровище, бесценное, явилось!... — говорила Лоре Катерина.

— Ну, надевай же чулочки, видишь — Марийка пришла.

Лора протягивала Катерине ногу. Но иногда она кричала Марийке, как только та переступала порог:

— Уходи к себе на кухню! Ты сегодня некрасивая!

Марийка поворачивалась и уходила обратно, показав Лоре два раздвинутых пальца, что означало: «Ссора на всю жизнь». После этого она дулась несколько дней. Когда её опять звали в комнаты, она не хотела идти и пряталась под кроватью, где

пахло пыльной паутиной и где от всякого движения звенели над головой расхлябанные матрацные пружины.

Мать вытаскивала её из-под кровати за ногу и, отшлёпав, кричала:

— Дурёха! За ней господа присылают, а она ещё фасоны строит! Подумаешь, принцесса гордая! Иди!...

И Марийка шла, ругая шёпотом мать, Лору, Катерину и доктора с докторшей.

Лора встречала её так, как будто ничего и не случилось.

— Ну, — говорила она, — придумывай игру. И Марийка придумывала.

Одна половина жизни Марийки проходила на кухне, другая — в детской, у Лоры. После картофельной шелухи, после ваксы, которой она мазала докторские штиблеты, ей было даже страшно брать в руки чистенькие книги с цветными картинками и кукол в голубых и розовых платицах. А Лора без Марийки не умела играть и даже не знала, как заправлять игрушечную швейную машинку; шёлковые лоскутики, которые ей давала Елена Матвеевна, без Марийки, валялись зря.

Немного поиграв, девочки бежали в спальню к докторше Елене Матвеевне.

В спальне Катерина поднимала шторы, и на пол падали кружевные тени от гардин. На широкой дубовой кровати, между сбившихся подушек, лежала, щурясь на свет, молодая женщина, такая же рыжая, как Лора, только без веснушек.

— Мамочка, не надо ли тебе чего-нибудь поискать? — спрашивала Лора.

Девочки знали, что Елена Матвеевна всегда рассовывает свои вещи куда попало и потом, ни за что не может припомнить, где они.

Марийка с Лорой любили разыскивать её платки и гребёнки, которые всегда оказывались в самых неожиданных местах.

Однажды весь дом искал полдня перчатку, и, когда все уже перестали искать, Марийка случайно нашла её в китайской вазе.

В УТЛУ У МАЛАСИХИ

Марийкин отец, часовой мастер Соломон Михельсон, умер восемь лет назад, за шесть месяцев до рождения дочери.

Это был тихий молодой человек с тёмными глазами. Он принимал в починку не только часы, но и старые бинокли, микроскопы, компасы. За починку брал он недорого, а работал очень аккуратно. Поэтому в его крохотном магазинчике, где один угол был занят картузником, всегда можно было застать двух-трёх заказчиков.

Каждую пятницу Михельсон запирали свой магазин на час раньше и шёл заводить часы к адвокату Радзевскому.

Радзевский жил в собственном особняке с облупившимися колоннами. У него была квартира из восьми комнат, и он держал кухарку, горничную и кучера.

Тут, у Радзевского, часовой мастер и познакомился с Полей.

Поля была круглой сиротой. Десяти лет она уже служила по чужим людям на Полтавщине, в деревне Глубокая Криница. Платили ей за службу два рубля в год и каждый раз на пасху давали: чоботы, сорочку, платок и фартук. Она таскала на руках крестьянских ребят, набивала им рты жёванным хлебом и, если они орали, забавляла их тарактелками из свиного пузыря, в котором гремели камешки.

Шестнадцать лет тётка увезла её в город и определила в услужение к булочнику «одной прислугой за всё». Днём Поля

стряпала и управлялась по хозяйству, а вечером помогала булочнику месить тесто и сбивать белки для крема. Прослужив у булочника четыре года, она перешла на другое место, в горничные, где платили лучше и работа была чище. Поступила она к адвокату Радзевскому. Тут её научили складывать салфетки веером, говорить по телефону и подавать стакан воды на блюдечке. Она теперь носила батистовые переднички и знала, какие рюмки полагаются для вина, а какие для водки.

— Добрый день, Соломон Абрамович, — приветливо встречала Поля часового мастера. — У нас на той неделе все часы ходили аккуратно, только в кабинете торопились на десять минут.

Она водила его по большим, пустынным комнатам адвокатской квартиры и, задрав голову, смотрела, как он, стоя на лесенке, проверял и заводил часы.

Отправляясь в булочную, Поля делала небольшой крюк, чтобы пройти мимо часового магазина. В витрине стояли бронзовые часы, где вместо маятника качались на цепочках фарфоровые качели с фарфоровой девочкой на перекладине. За окном сидел Соломон и разглядывал сквозь лупу колёсики и винтики, лежавшие перед ним на столе, и когда замечал Полю у окна, то поднимал голову и улыбался.

Как-то раз, в воскресенье, Соломон пришёл к Поле в гости. Они посидели немного на кухонном крыльце, а потом пошли погулять в городской сад. С тех пор они стали часто встречаться и скоро решили пожениться. Поле нравился часовой мастер. Он одевался чисто, носил пиджак и шляпу, говорил тихим голосом и обращался с Полей не так, как все, а ласково, вежливо, — жалел её.

— Хорошая душа у Соломона Абрамыча, — рассказывала Поля подругам. — Говорит он с тобой, как брат родной. Человек он ужасно добрый, и я с ним не пропаду.

— Это верно, — говорили соседские кухарки. — Главное, что евреи почти совершенно непьющие. К тому же и ремесло у него очень чистое.

В день именин Михельсон подарил Поле флакон одеколона «Нильская лилия» и полдюжины батистовых носовых платков, обшитых тоненьким кружевцем. Такие дорогие платки Поля видела только у своей хозяйки. Она не решалась в них сморкаться и спрятала все шесть в сундучок.

Поля объявила хозяевам, что служит последний месяц. Она стала ходить по посудным лавкам, купила синий стеклянный, весь в шипах кувшин, четыре тарелки, разрисованные вишнями, и всё мечтала, как она уберёт свою новую комнату и какие повесит занавески, когда они с Соломоном Абрамычем поженятся.

Но с Михельсоном случилось несчастье. Осенью его вызвал к себе в имение один богатый помещик, у которого испортились большие башенные часы в парке. Михельсон исправил старинные часы, получил, кроме платы, два десятка оранжерейных персиков и отправился домой. Тут-то и приключилась беда. Лодка, в которой он переправлялся через Днепр, опрокинулась неподалёку от берега. Михельсон добрался до берега благополучно, но после купанья в холодной осенней воде заболел воспалением лёгких и умер на шестой день.

Поля ничего не знала ни о возвращении, ни о болезни Михельсона. Как-то вечером, когда она чистила серебряные ложки, к ней пришла незнакомая пожилая женщина и сказала, что старики Михельсоны просят её сейчас же прийти, — с их сыном случилось несчастье.

Поля набросила на плечи платок и побежала к старикам. Сердце у неё колотилось от страха. Она ещё ни разу не бывала у Михельсонов и не знала, как они её примут. Ведь сын их был часовой мастер, а она — простая прислуга. Да и что это случилось с Соломоном?

Старики Михельсоны занимали небольшую квартирку позади часового магазина. В первой комнате было пусто. «Живут небогато», — подумала Поля, окинув взглядом кушетку,